

одномъ наглядномъ очеркѣ разсѣянные въ исторіи черты французскаго народа ¹⁾. Не случайно, конечно, избралъ Кудрявцевъ для этого опыта именно французскій народъ; помимо римлянъ, это та нація, индивидуальныя черты которой выступаютъ наиболѣе рѣзко и вліятельно во всей ея исторіи,—но, несмотря и на эти благоприятныя условія, очеркъ, конечно, долженъ былъ остаться *эскизомъ*. Онъ заключаетъ въ себѣ много интересныхъ наблюдений и мѣткихъ замѣчаній, но для читателя и послѣ этого остается не вполне яснымъ, въ чемъ преимущественно слѣдуетъ видѣть задачу исторической психологіи: въ томъ ли, чтобы указывать въ событіяхъ національныя особенности, „постоянныя“ черты народнаго характера и врожденныхъ ему стремлений, или же, наоборотъ, въ томъ, чтобы выяснять вліяніе событій на образованіе національнаго характера. Одно и то же событіе вѣдь можно разсматривать какъ отраженіе народнаго характера и какъ моментъ, наложившій неизгладимую черту на этотъ характеръ. Такъ, напр., по поводу гугенотскаго движенія, Кудрявцевъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 65) восклицаетъ: „сколько несчастныхъ склонностей и привычекъ вынесла французская нація изъ кровавой вражды двухъ безпощадныхъ религіозно-политическихъ партій?“ — а въ другомъ (стр. 248) онъ говоритъ: „Кто захочетъ изучить французскій національный характеръ въ самыхъ яркихъ и рѣзкихъ его проявленіяхъ, тотъ пусть въ особенности займется изученіемъ эпохи гугенотскихъ войнъ, эпохи, исполненной кровавой игры многихъ непримиримыхъ страстей“. Чтò же важнѣе,—спрашиваетъ себя читатель Кудрявцева:—изучать на событіяхъ національный характеръ или объяснять самыя событія при помощи національнаго характера? Другими словами, имѣется ли въ виду, чтобы исторія служила матеріаломъ для психологіи или психологія—научнымъ пособіемъ для исторіи?

Но, во всякомъ случаѣ, за Кудрявцевымъ остается заслуга, что онъ перенесъ вопросъ о *породѣ* съ фізіологической почвы на психологическую и что онъ сознательно указалъ на значеніе психологіи для историка. Десять лѣтъ спустя, знаменитый европейскій ученый, который достигъ поразительныхъ результатовъ своимъ методомъ, сдѣлалъ изъ психологіи основу исторіи. По мысли Тэна, исторія не что иное, какъ примѣненіе (application) психологіи, подобно тому какъ метеорологія—прикладная физика. Какъ метеорологъ пользуется законами, открытыми въ физическомъ кабинетѣ, для объясненія атмосферныхъ явленій, такъ и

¹⁾ Въ статьѣ „Аполлинарій Сидоній“.